

Днем Сюй Шуфэнь приходила очень рано. Она приносила большой термос, наполненный какой-то едой, совершенно пресной, и Шэнь Чуню это не нравилось. Он тосковал по мороженому, которое перед каждой операцией приносила ему Сюй Юнь, но Сюй Юнь больше не было рядом, и никто не знал об этой его привычке. Он выдержал всё это, но никто не мог его за это вознаградить.

Однако, видя полный надежды взгляд Сюй Шуфэнь, он всё же через силу сделал несколько ложек.

В первые дни Сюй Шуфэнь дежурила в больнице и днем, и ночью, а рядом с ней находился Му Дун. Шэнь Чунь чувствовал себя неважно: поев и приняв лекарства, он сразу же проваливался в глубокий сон, так что у него не оставалось сил думать о самом Му Дуне. Но со временем ему становилось лучше, периоды бодрствования удлинялись, и днем возле него оставалась только Сюй Шуфэнь.

Каникулы подошли к концу, и Му Дун отправился на учебу.

Сюй Шуфэнь уже валилась с ног от усталости и обсудила с Шэнь Чунем, что пока не будет приходить в больницу по вечерам. Шэнь Чунь покладисто кивнул и запомнил: если что-то понадобится, нужно нажать кнопку у изголовья кровати и позвать сестру-медсестру. Только после этого Сюй Шуфэнь с тяжелым сердцем ушла.

Опустилась ночь. Шэнь Чунь на словах уверял, что уже привык к больнице, но стоило ей уйти и оставить его одного в палате, как у него на уровне рефлексов началась паника. Оставлять такого маленького ребенка в больнице одного было всё-таки чересчур опрометчиво. За дверью то и дело раздавались шаги — казалось, туда-сюда ходит множество людей, но среди них не было никого знакомого или близкого.

Как же сильно он скучал по маме.

Все эти дни мальчик не произносил этого вслух и не смел показывать виду при Сюй Шуфэнь. Но стоило оказаться в такой незнакомой обстановке, как все тревожные мысли тут же вылезли наружу.

Однако мама не приходила. Прошло уже столько дней, а мама всё не появлялась.

С горьким осознанием Шэнь Чунь понял: то, что говорил Му Дун, было правдой.

Он начал плакать. Ребенок на соседней койке уже спал, и Шэнь Чунь боялся разбудить его, поэтому не смел издать ни звука. Слезы катились прямо на подушку, та становилась мокрой, сырой и жутко неудобной. От этого дискомфорта Шэнь Чуню хотелось реветь еще сильнее — ему казалось, что над ним издевается даже собственная подушка.

Именно в этот момент дверь отворилась.

Коридор за пределами больничной палаты был ярко освещен. Свет мелькнул и погас, и Шэнь Чунь, едва подняв глаза, увидел в дверях Му Дуна.

Он неизвестно когда подстригся, так что его брови и глаза стали видны еще отчетливее. В комнате царил полумрак, но Му Дун, стоявший в проеме, казался таким ярким.

Он на мгновение замер, после чего тихонько прикрыл дверь и вошел. Шэнь Чунь в испуге быстро утер лицо — инстинктивно он не хотел, чтобы кто-то заметил его слезы.

Му Дун все еще был со школьным рюкзаком за плечами, запыхавшийся и уставший — оставалось только гадать, как именно он сюда добирался. От их дома до больницы было больше двадцати километров, и он, судя по всему, помчался сюда сразу после занятий, преодолевая этот путь так долго, что добрался лишь с наступлением темноты.

Сначала он остановился у больничной койки Шэнь Чуня. Дышал он очень тихо, отчего Шэнь Чунь немного напрягся: не зная, зачем Му Дун пришел, он зажмурился и притворился спящим.

Му Дун какое-то время молча смотрел на него, а затем протянул руку и аккуратно пододеял ему края одеяла — движения были невероятно мягкими.

Если бы Шэнь Чунь не знал, что вошедший только что был Му Дуном, на секунду ему даже показалось бы, что вернулась Сюй Юнь. С трудом остановленные слезы снова грозили хлынуть наружу. Шэнь Чунь услышал, как Му Дун сел на край кровати и поставил рюкзак на пол.

Он украдкой приоткрыл глаза, быстрым взглядом скользнул по лицу Му Дуна, убедился, что не ошибся, и тут же поспешно отвернулся, повернувшись к нему затылком.

— Разбудил? — тихо спросил Му Дун, даже не догадываясь, что Шэнь Чунь притворяется спящим.

Его дыхание легким, щекотным ветерком скользнуло по уху Шэнь Чуня. Шэнь Чунь неестественно пошевелил ухом, но ничего не ответил.

Му Дун с легкой усмешкой посмотрел на него. Он впервые заметил, что у ребенка шевелятся уши — такие крошечные. У него снова зачесались руки, но, боясь разозлить мальчика, трогать его он не стал.

Продолжая говорить полупшепотом, Му Дун произнес:

— А я думал, тебе самому будет страшно. Видимо, я зря переживал.

Уши Шэнь Чуня снова шевельнулись.

Тут Му Дун окончательно понял, что тот еще не спит, и добавил:

— Не ожидал, что ты такой молодец, справляешься в больнице совсем один.

Мальчик, падкий на похвалу, снова чуть-чуть шевельнулся.

Му Дун потерпел еще немного, но в конце концов протянул руку и потрепал Шэнь Чуня по мягким волосам.

Его рука была приятно-теплой, и Шэнь Чунь внезапно почувствовал капельку умиротворения.

— Спи давай, я подежурю здесь, — напоследок тихо сказал Му Дун.

От этих слов сердце Шэнь Чуня наконец полностью успокоилось, и сознание погрузилось в туманную дремоту.

Лишь спустя долгое время Му Дун взял рюкзак и вышел в коридор. Высокий и худой, в немного мешковатой школьной форме, он стоял у дверей палаты Шэнь Чуня и извлекал из сумки два больших белых паровых пампуха.

Днем после уроков их ему сунул Чжан Сяошуай. Сам Му Дун за весь день ничего не ел, но, зная, что сегодня должна вернуться Сюй Шуфэнь, он после некоторых раздумий решил сэкономить деньги на обед, чтобы хватило на проезд до больницы.

Тогда Чжан Сяошуай спросил его:

— Ты что, и правда принял его за родного младшего брата? Каждый день к нему бегаешь, а он ведь даже не смотрит в твою сторону!

Му Дун некоторое время молчал.

— Я в ответе за то, до чего он дошел.

— Так ведь не он ли первый начал гадости говорить! — возмутился Чжан Сяошуай.

Му Дун издал звук вроде цыканья и ответил:

— Пампухи я взял, и хватит. Чего с ребенком спорить, все нормально.

Чжан Сяошуай смущенно умолк.

В пару присестов проглотив пампухи, Му Дун все равно чувствовал в желудке пустоту. В его возрасте был самый разгар аппетита, и два пампуха внутри вообще никак не ощущались. Выпив огромную кружку воды, Му Дун вернулся в палату Шэнь Чуня.

Шэнь Чунь спал беспокойно, его тонкие брови были сдвинуты.

Му Дун снова поправил на нем одеяло, а затем устроился спать на стоявшем рядом стуле.

Шэнь Чунь резко распахнул глаза — на самом деле он и не думал засыпать, боясь, что Му Дун тоже уйдет. Убедившись, что тот заснул, он неторопливо перевернулся на бок и с легким чувством безопасности наконец заснул по-настоящему.

В семь утра Му Дуна разбудили. За всю ночь у него затекли и поясница, и спина. Сегодня была суббота, идти в школу не нужно, а Сюй Шуфэнь собиралась с утра пораньше отправиться за семенами, поэтому она и попросила Му Дуна побыть с мальчиком.

Медсестра зашла измерить Шэнь Чуню температуру. Ребенок все еще сонно хлопал глазами, толком не проснувшись, и послушно пил лекарства или воду, когда его об этом просили. Медсестра легко ущипнула его за щечку и похвалила:

— Какой послушный, скоро уже сможешь выписаться из больницы.

Шэнь Чунь улыбнулся и вежливо произнес:

— Спасибо, сестричка.

Медсестра ушла, и в палате снова остались только они двое, не зная, что сказать друг другу.

Му Дун нарушил тишину:

— Будешь что-нибудь есть? Я сгоняю куплю.

Шэнь Чунь настороженно посмотрел на него и ответил:

— Не буду.

Му Дун кивнул, ничего не говоря, и вышел. Шэнь Чунь, решив, что Му Дун снова рассердился, растерянно проводил взглядом его спину. Однако не прошло и десяти минут, как Му Дун вернулся, держа в руках горячую кашу и булочки.

Он вставил в стаканчик трубочку, проверил температуру и сказал:

— Попей немного.

Шэнь Чунь не взял.

Му Дун мысленно цыкнул, понимая, что ребенок дует: ко всем окружающим людям и вещам Шэнь Чунь относился приветливо, и лишь его одного игнорировал.

Он произнес:

— Медсестра мне сказала: не поешь — не выпишешься. Хочешь вечно здесь торчать?

Шэнь Чунь наполовину поверил, наполовину засомневался, презрительно скривил губы, но все же взял еду. Больницу он не любил.

Му Дун неизменно умел точно надавить на то, что ему не нравится.

Шэнь Чунь через силу отхлебнул каши и съел полбулочки. Убедившись, что всё в порядке, Му Дун забрал оставшееся себе и в два счета умял остатки, хотя в желудке по-прежнему ничего не ощущалось. Он искренне не понимал, как Шэнь Чунь умудряется выживать, питаясь столь крошечными порциями.

Делать утром было абсолютно нечего, и он разложил на столе школьные задания.

Писал он быстро, почти не задумываясь, и карандаш издавал по бумаге тихое шуршание. Шэнь Чуню стало скучно, и он снова уставился на те две гусеницы за окном, размышляя, почему они уже несколько дней сидят совершенно неподвижно.

Му Дун проследил за его взглядом и вдруг, словно озасененный внезапной догадкой, распахнул окно, занес в комнату пух от этих двух сережек и протянул Шэнь Чуню со словами:

— Хочешь поиграть?

Шэнь Чунь не взял, ошеломленно уставившись на него:

— Ты как это руками насекомых трогаешь?

Му Дун рассмеялся:

— Это не насекомые. Это тополиный пух, присмотришься хорошенько.

Он небрежно бросил пух на одеяло Шэнь Чуня. Мальчик все еще немного опасался, осторожно потыкал пушинки пальцем и, убедившись, что они и правда не шевелятся и никакой угрозы не представляют, взял их в руки и стал играть.

На самом деле ребенка было очень легко увлечь — раньше никто и никогда не давал ему

подобных вещей для забавы, но двух комочков пуха оказалось достаточно, чтобы его глаза загорелись, и он увлеченно играл с ними добрую половину дня.

Му Дун неизвестно когда захлопнул тетрадь с заданиями и просто сидел так, наблюдая, как ребенок тихо и увлеченно играет.

После полудня, как раз когда дневное солнце ровно освещало палату — в самое теплое время дня, — окно оставалось приоткрытым на щелочку, и в комнату изредка задувал легкий ветерок, принося с улицы запах растущей травы.

Медсестра зашла поставить Шэнь Чуню капельницу. Пока Му Дун отлучался выбросить мусор, укол уже сделали.

За эти дни рука мальчика, похожая на нитку связанных пухлых перевязей от долгого капельного введения лекарств, заметно опухла. Он сидел тихонько, а те два пушка, что добыл для него Му Дун, были аккуратно положены рядом. Му Дун протянул руку, чтобы согреть трубку капельницы своим теплом, и, опустив взгляд, заметил на руке Шэнь Чуня неестественное красное пятно.

— Откуда это? — сурово спросил Му Дун.

Его вопрос до смерти испугал Шэнь Чуня — ребенок вздрогнул на месте, очевидно, у него уже развилась психологическая травма.

Му Дун на секунду замер, и его голос смягчился:

— Я к тому... почему у тебя рука покраснела?

Шэнь Чунь похлопал ресницами:

— Сестричка-медсестра только что надавила мне на руку, когда делала укол.

— От одного нажатия так сильно покраснела?

Шэнь Чунь кивнул.

Му Дун осторожно погладил Шэнь Чуня по руке, стараясь не задеть иголку, и спросил:

— Когда пройдет?

— Не знаю, — ответил Шэнь Чунь. — Наверное, завтра уже пройдет. И совсем не болит.

Му Дун молча уставился в одну точку. Он внезапно понял, что мог упустить из виду какую-то важную деталь. Спустя мгновение он спросил:

— В тот день... тогда тоже было красным?

Шэнь Чунь тупо посмотрел на него:

— В какой день?

Му Дун мысленно вернулся к тому моменту — на второй день пребывания Шэнь Чуня в этом доме, когда у того поднялась температура, а на дворе стояла зима. Тогда он довел Шэнь Чуня до слез и в панике натворил дел. Точно, он же сжал Шэнь Чуню горло.

Тогда он был занят тем, что заметал следы, закармливая Шэнь Чуня апельсиновыми леденцами, и ему в голову не приходило, что его неуклюжая маскировка могла быть раскрыта кем-то с самого начала.

Сюй Юнь заметила всё давным-давно, и вовсе не потому, что Шэнь Чунь пожаловался.

Му Дун снова вспомнил слезы ребенка в разгар снежной бури. Старые и новые грехи наложились друг на друга, и впервые в жизни он подумал о том, каким же омерзительным человеком он, оказывается, был.

<http://bllate.org/book/25628/3057613>